Янина Чевеля «Ростов официальный» № 33 (924) от 15.08.2012

В преддверие мемориальных мероприятий, посвящённых семидесятилетию страшных событий в Змиёвской балке, в Ростов приехал рав Исраэль Меир Лау, главный раввин Тель-Авива и председатель общественного совета мемориального комплекса Катастрофы и Героизма Яд Вашем. Его визит носил и официальный, и очень личный характер.

«Ростов официальный» уже писал об этой истории, которую не выдумать — такое может случиться только в реальной жизни (№ 3 от 13.01.2010 «С войны спасённый искал своего спасителя»). Ростовчанин Фёдор Михайличенко, ныне удостоенный звания «Праведник народов мира»*, подростком оказался в Бухенвальде. В детском блоке (под номером восемь) он всячески заботился о семилетнем еврейском мальчике, которого называл Лёлик-Юрчик. Впрочем, слово «заботился» в том земном аду имело совсем другое значение, более точно будет сказать — Фёдор маленького мальчика спас... Ему было тогда шестнадцать (!) лет.

Когда окончилась война, Михайличенко предложил Юрчику поехать вместе в Ростов, но к тому моменту Юрчика отыскал старший брат, единственный уцелевший из всей семьи родственник. Их отец просил, чтобы они, если выживут, были вместе. Братья волю отца выполнили. И в итоге уехали в Израиль.

Лёлик-Юрчик — это и есть рав Исраэль Меир Лау, ныне выдающийся религиозный и общественный деятель Израиля, бывший долгое время главным раввином страны. Всю жизнь Фёдор Михайличенко и Меир Лау пытались найти друг друга. Не получилось. Михайличенко в 1993 году умер. И только четыре года назад, в 2008-м, рав Исраэль Меир Лау отыскал семью своего спасителя.

10 августа в ростовской синагоге прошла пресс-конференция с участием Меира Лау, его

супруги (Хая Ита Лау), дочерей Праведника народов мира Михайличенко, Юлии СЕЛЮТИНОЙ и Елены БЕЛЯЕВОЙ.

В самом начале события Меир Лау вручил сёстрам свою книгу «Не поднимай руки на ребёнка» (она о Холокосте). В первой же главе идёт речь о Фёдоре Михайличенко. Юлия Селютина в свою очередь подарила раввину Тель-Авива авторскую работу, настоящее произведение искусства, созданное её руками — картину из бисера.

А потом Меир Лау стал вспоминать прошлое. Он говорил об эпизодах, которые могут показаться мелкими сейчас, но тогда, в кромешном ужасе лагеря смерти, они стали ступенями к жизни.

— Фёдор почти каждый день добывал картофельные очистки и сам варил мне из них горячий «бульон», — говорит Меир Лау. — А утром ежедневно нас выстраивали на улице, и мы стояли два-три часа. Мороз был около минус двадцати. Фёдор где-то нашёл свитер, оставшийся от умершего заключённого, распустил и связал из этих ниток для меня маленькие незаметные наушники. И каждый день следил, чтоб я их надевал, чтобы у меня не так сильно мёрзла голова.

В лагере смерти работали все, невыносимо. Мне было семь с половиной лет, и я должен был по утрам убирать весь блок, территорию на улице и туалеты. Мне это было не под силу. И Фёдор с другими подростками вставали раньше на час, чтобы выполнить эту работу. Фёдор им говорил: «У мальчика погибли все родные. Давайте мы ему поможем, нельзя украсть у него ещё и детство».

Когда освобождали Бухенвальд, началась бомбардировка и обстрел. Фёдор взял меня за руку, мы бежали. Я испугался, стал метаться, и Фёдор сбил меня с ног и накрыл своим телом. Он готов был умереть, но уберечь меня от пули.

— Как рассказывал папа, восьмой блок в Бухенвальде был детский, — говорит Елена Беляева. — Старшие ребята старались опекать младших. В 1945 году даже тайно устроили для них новогоднюю ёлку — настоящую, из леса принесли. Украсили поделками из камешков, из деревяшек... Сделали каркас звезды, нашли красную тряпочку, обтянули этот каркас. То есть в концлагере поставили для детей ёлку со звездой на верхушке!

— Папа рассказывал нам о Юрчике, — вспоминают дочери Михайличенко. — После войны он всё время его искал, делал запросы в Германию, в Польшу (в лагере Фёдор и Юрчик говорили на смеси русского и польского языков, — прим. авт.). Но результата так и не было. В 2008 году, когда Меир Лау нас нашёл, пригласил к себе в гости. Мы приехали, и к нашему приезду он созвал всех своих потомков, а у него восемь детей и пятьдесят внуков. Он сказал нам: «Вот, смотрите. Все эти люди — дети вашего отца». В 2009-м мы снова побывали в Израиле, приехали на церемонию вручения нашему отцу звания «Праведник народов мира». И опять оказались в гостях у Меира Лау. Привезли ему фотографию папы. Он также пригласил своих родных, всем показывал фото и говорил: «Это Фёдор, мой спаситель». Даже двухмесячного внука поднёс на руках к фотографии и сказал: «Это Фёдор».

Судьба — странная вещь. Либо она действует по каким-то своим непознаваемым нами законам, либо она шизофреничка. Потому что сегодня она может одарить человека с материнской добротой, а завтра превратится для этого же человека в насмешливого палача. Она даже двуполая: когда не в духе, становится роком... К чему эта философия. В 1989 году Меир Лау приезжал в Россию. Тогда Михайличенко ещё был жив. Главный раввин Израиля в Кремле встречался с Михаилом Горбачёвым. Кому-то из высоких чиновников Меир Лау рассказал о своей истории и страстном желании найти Фёдора. Информация об этом появилась в СМИ, но никто по указанному в объявлении номеру так и не позвонил. А ведь тогда у Лау был последний шанс увидеть своего Фёдора живым. Михайличенко и умер-то, собственно, до обидного рано, в 66 лет.

Четыре года назад в июле Меиру Лау позвонили журналисты с одной из радиостанций Израиля и задали вопрос: «Вы знаете, кто такой Фёдор?». «А почему вас это интересует?» — спросил Лау. «Ассошиэйтед пресс» сообщает, что историк, профессор

Кент Уолшерз из Мичиганского университета в Чикаго провёл пресс-конференцию и на ней заявил, что нашёл документы о том человеке, который в годы войны спас главного раввина Израиля».

Профессор несколько лет изучал в Германии архивы гестапо, в том числе личные дела узников лагерей. Установил фамилию — Михайличенко, восьмой блок. Меир Лау тогда впервые услышал эту фамилию.

Лау позвонил в Ростов в синагогу тогдашнему местному раввину и попросил найти Михайличенко. Раввин рассказал об этом прихожанам, и обнаружился среди них человек, который знал Фёдора. Этот человек сообщил, что Михайличенко уже с нами нет...

...Много лет Меир Лау стремился приехать в Ростов. Это случилось. После пресс-конференции в сопровождении журналистов он отправился на Северное кладбище на могилу Фёдора Фёдоровича. Да, это к вопросу о судьбе. На могилу спасителя, которого так хотел увидеть живым. Здесь он прочёл духовные тексты в память.

— Если человек спасает чью-то жизнь, — сказал Меир Лау, — то для него всегда существует следующий мир. Телесная оболочка остаётся в земле, но душа пребывает с Создателем.

Потом главный раввин Тель-Авива зашёл в оградку, тронул фотографию Фёдора, будто прикоснувшись к его лицу. И по щекам Меира Лау всё-таки потекли слёзы...

Любой журналист, любой фанатичный хроникёр, если он действительно настоящий журналист и нормальный человек с прочной моралью, всегда знает, когда нужно остановиться. Мы ушли, оставив у могилы Лау и дочерей Фёдора. Им было о чём сказать друг другу. Мы шли к машинам, а позади нас старик в облачении раввина стоял под палящим солнцем, плакал и поглаживал медальон на простой железной гробнице, повторяя и повторяя слова благодарности на своём языке.

Лёлик-Юрчик благодарил своего спасителя. Он ждал этой возможности шестьдесят семь лет.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Юрий КАННЕР, президент Российского еврейского конгресса:

— Мы имеем честь принимать у себя великого человека, раввин Лау является одним из лидеров поколения всех ныне живущих евреев. Мы с вами присутствуем при историческом событии. Сегодня мы показываем всему миру, что все мы, независимо от национальности, — люди Мира, которые должны поддерживать друг друга и помогать друг другу.

* *Люди разных национальностей, спасавшие евреев в годы Холокоста, рискуя собственной жизнью. В честь каждого признанного Праведником проводится церемония награждения, на которой самому Праведнику или его наследникам вручается почётный сертификат и именная медаль, на ней выгравирована надпись: «В благодарность от еврейского народа. Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир».*

Фото Василия Редько